СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXV, № 5.

А. С. КАЙСАРОВЪ

И

ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДРУЗЬЯ.

АКАДЕМИКА
М. И. СУХОМЛИНОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1897.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Іюль 1897 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

А. С. Кайсаровъ

и его литературные друзья.

Начало XIX вѣка имѣетъ неоспоримое значеніе въ исторіи умственной жизни Россіи. Это было время открытія университетовъ и выработки цѣлой системы народнаго образованія. Въ мыслящихъ кругахъ тогдашняго общества замѣтно было оживленіе; молодыя силы, посвящавшія себя литературѣ и наукѣ, сближались между собою, чтобы дружно работать на избранномъ ими поприщѣ. Между членами литературной семьи установились искреннія, товарищескія, «братскія» отношенія. Говоря это, я имѣю въ виду то преобладавшее тогда настроеніе, которое связало тѣсными узами молодыхъ въ ту пору писателей нашихъ: Жуковскаго, Мерзлякова, А. И. Тургенева и Кайсарова. Они были сверстниками: Кайсаровъ родился въ 1782 году, Жуковскій — въ 1783 году, Тургеневъ — въ 1784 году; Мерзляковъ нѣсколькими годами старше: онъ родился въ 1778 году.

Обращаясь къ А. И. Тургеневу, Жуковскій говоритъ: «Наша дружба, твоя, моя, Мерзлякова, Кайсарова, была основана на воображеніи.... Будемъ друзьями, братцы; мы *сдѣлаемъ* гораздо больше. До сихъ поръ я, кажется, томился въ бездѣйствіи. И теперь не много дѣятельности, но по крайней мѣрѣ вижу необходимость быть выше, выше; для этого требую помощи

отъ друзей моихъ. Братцы, вмѣстѣ, вмѣстѣ пойдемъ ко всему доброму! Это говоритъ вамъ не энтузіазмъ ребяческой и огненной, но холодное размышленіе..... Насъ должно оживлять одно, поддерживать одно! Однимъ словомъ, наша жизнь должна быть cause commune!» [1]).

Начало этой дружбѣ положено въ стѣнахъ Благороднаго пансіона при московскомъ университетѣ. Жуковскій, Тургеневъ и Кайсаровъ были питомцами университетскаго Благороднаго пансіона; Мерзляковъ обучалъ тамъ «Русскому слогу». Мерзляковъ принималъ участіе въ литературномъ собраніи, которое основано Жуковскимъ при Благородномъ пансіонѣ, и былъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Тургеневымъ и Кайсаровымъ, членомъ-основателемъ новаго дружескаго литературнаго общества, учрежденнаго по выходѣ Жуковскаго изъ пансіона. Общество это оставило глубокій слѣдъ въ душѣ Мерзлякова, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ его въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ Жуковскому: «Обращать вниманіе на сочиненія нашихъ писателей заставляло меня — и желаніе научиться, и желаніе быть по возможности полезнымъ, и правила, которыя пріобрѣлъ я въ незабвенномъ, любознательномъ обществѣ словесности, гдѣ мы, по истинѣ управляемые благороднѣйшею цѣлію, всѣ въ цвѣтѣ юности, въ жару пылкихъ лѣтъ, одушевленные единымъ благодатнымъ чувствомъ дружества, не отравленнымъ частными выгодами самолюбія, учили и судили другъ друга въ первыхъ нашихъ занятіяхъ; и жертвуя по видимому своимъ удовольствіемъ, между тѣмъ нечувствительно и скромно, исполненные патріотизма и любви къ изящному, приготовляли себя на будущее наше служеніе».

Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ (1778—1830) пользовался въ свое время большою и вполнѣ заслуженною извѣстностію въ литературномъ мірѣ. Будучи еще тринадцатилѣтнимъ

1) Письма В. А. Жуковскаго къ Александру Ивановичу Тургеневу. Изданіе Русскаго Архива по подлинникамъ, хранящимся въ Императорской Публичной библіотекѣ. 1895. стр. 6—7, 21.

мальчикомъ, онъ обратилъ на себя вниманіе своею даровитостію. 21 іюня 1792 года происходило публичное испытаніе въ главномъ народномъ училищѣ въ Перми, и присутствовавшій на этомъ испытаніи генералъ-поручикъ Алексѣй Андреевичъ Волковъ, правящій должность генералъ-губернатора въ намѣстничествахъ пермскомъ и тобольскомъ, писалъ предсѣдателю Комиссіи объ учрежденіи училищъ П. В. Завадовскому: «Учащійся въ главномъ народномъ училищѣ, города Далматова небогатаго купца тринадцатилѣтній сынъ *Алексѣй Мерзляковъ* подалъ мнѣ своего сочиненія оду въ немаломъ числѣ строфъ. Видя основательность и изрядство мыслей, правильность, плавность и гладкость въ стихахъ во всей почти одѣ, и представляя возрастъ сочинителя ея, также и то, что сей сочинитель, такой молодой мальчикъ, нигдѣ кромѣ здѣшняго училища не обучался и въ стихотворствѣ ни отъ кого не былъ наставляемъ, да и нѣтъ здѣсь людей такихъ, отъ которыхъ бы можно было кому въ ономъ заимствовать, а читалъ онъ только Ломоносовы сочиненія, и примѣняясь къ нимъ написалъ свою оду», — препровождаю ее, какъ доказательство, что «здѣшнее училище весьма на хорошей ногѣ». Комиссія объ учрежденіи училищъ прочитала оду, нашла, что похвала ея «отнюдь не увеличена», и опредѣлила: напечатать 200 экземпляровъ на любской бумагѣ, и 150 послать въ подарокъ сочинителю [2]).

Ода тринадцатилѣтняго стихотворца написана на заключеніе мира со шведами. П. В. Завадовскій поднесъ ее Екатеринѣ II, и государыня повелѣла отправить Мерзлякова, по окончаніи имъ курса въ пермскомъ училищѣ, въ Петербургъ или въ Москву для продолженія образованія.

Въ 1793 году Мерзляковъ прибылъ въ Москву и поступилъ въ гимназію; въ 1797 году произведенъ въ студенты, и затѣмъ, постепенно пріобрѣтая званіе баккалавра, кандидата,

2) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 2, № 36726. Опредѣленія Комиссіи объ учрежденіи училищъ. 1792 года, Августа 27 дня, № 31.

магистра и наконецъ доктора, занялъ въ 1805 году каѳедру русской словесности въ московскомъ университетѣ, а въ 1810 году утвержденъ ординарнымъ профессоромъ Краснорѣчія, Стихотворства и языка Россійскаго. Ученый біографъ Мерзлякова говоритъ: «Существенное отличіе Мерзлякова отъ предшественниковъ его состоитъ въ томъ, что онъ отдѣлилъ преподаваніе русской словесности отъ древней греческо-латинской и далъ каѳедрѣ болѣе самостоятельное и народное значеніе. Но изъ этого не слѣдуетъ заключить, чтобы Мерзляковъ удалилъ отъ себя изученіе образцевъ древнихъ. Напротивъ, онъ окружалъ изученіе отечественныхъ образцевъ всѣми избранными произведеніями древняго и новаго міра..... Мерзляковъ въ наукѣ словесности и въ литературѣ русской представляетъ у насъ перваго критика, который вполнѣ сознавалъ высокость и благородство своего званія. Постоянно возставалъ онъ противъ эфемерныхъ и поверхностныхъ занятій словесностію; постоянно призывалъ русскихъ писателей къ занятіямъ ея наукою, и вѣрилъ въ силу и необходимость сей послѣдней для полнаго успѣха русскаго слова. Такая заслуга покажется намъ еще важнѣе, когда перенесемся въ эпоху дѣятельности Мерзлякова и представимъ себѣ то невѣжество, которымъ онъ былъ окруженъ. Чувство изящнаго, неизмѣнный его руководитель, многолѣтняя опытность и прозорливая наблюдательность внушали ему часто мысли вѣрныя и глубокія», и т. д. [3]).

Александръ Ивановичъ Тургеневъ (1784—1845) получилъ образованіе въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, и по окончаніи курса поступилъ на службу въ Московскій Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ; но вскорѣ отправился заграницу, гдѣ слушалъ вмѣстѣ съ Кайсаровымъ курсъ историко-политическихъ наукъ въ геттингенскомъ университетѣ. Также съ Кайсаровымъ онъ совершилъ путешествіе по славянскимъ зем-

3) Біографическій словарь профессоровъ московскаго университета. 1855. Часть II. стр. 63—64, 95, 96, и др.

лямъ. По возвращеніи въ Россію поступилъ на службу, служилъ въ Комиссіи составленія законовъ, въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ, и др. Послѣ осужденія, по дѣлу о декабристахъ, брата его Николая Ивановича, Тургеневъ уѣхалъ заграницу, посѣщалъ различныя страны Европы: Англію, Францію, Германію, Италію, Голландію, Швейцарію, Данію, Швецію; работалъ въ тамошнихъ библіотекахъ и архивахъ, слушалъ лекціи, собиралъ документы, относящіеся къ русской исторіи, и т. д. Историческіе матеріалы, собранные Тургеневымъ заграницею, изданы Археографическою комиссіею. Литературныя связи Тургенева были обширны: онъ переписывался съ Н. И. Новиковымъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ, Пушкинымъ, Баратынскимъ, Сперанскимъ, Вальтеръ-Скоттомъ, Гумбольдтомъ, Кювье, Шлецеромъ, и т. д. [4]).

Князь П. А. Вяземскій, хорошо знавшій Тургенева, такими чертами изображаетъ этого замѣчательнаго человѣка: «Александръ Тургеневъ былъ типичная, самородная личность, хотя и не было въ немъ цѣльности ни въ характерѣ, ни въ умѣ. Онъ былъ умственный космополитъ; ни въ какомъ участкѣ человѣческихъ познаній не былъ онъ, что называется, дома, но и ни въ какомъ участкѣ не былъ онъ совершенно лишнимъ..... Онъ мало читалъ, да и некогда было читать ему. Но съ удивительно острымъ умомъ, смѣтливостью и угадчивою проницательностью, онъ схватывалъ сливки съ книги: онъ пронюхивалъ ее, смыслъ ея, содержаніе, и самъ, бывало, окурится и пропитается запахомъ и испареніями ея. Другой до поту лица и до головной боли займется книгою, а Тургеневъ однимъ чутьемъ опередитъ его. Будь онъ болѣе положителенъ, усидчивъ и въ занятіяхъ своихъ, и въ дѣйствіяхъ своихъ, онъ могъ бы достигнуть до цѣлей немногимъ доступныхъ; могъ бы онъ оставить по себѣ память и отличнаго дѣятеля на поприщѣ государственномъ и литтературномъ. Будемъ довольствоваться и тѣмъ, что онъ былъ dilettante

4) Сочиненія К. Н. Батюшкова. 1887. Томъ I. Примѣчанія. стр. 355—372.

по службѣ, наукѣ и литтературѣ. Но былъ одинъ кругъ дѣятельности, въ которомъ являлся онъ далеко не дилетантомъ, а развѣ пламеннымъ виртуозомъ и неутомимымъ труженикомъ. Это — кругъ добра. Онъ не только дѣлалъ добро по вызову, по просьбѣ: онъ отыскивалъ случаи помочь, обезпечить, устроить участь меньшей братіи, гдѣ ни была бы она. Онъ былъ провидѣніемъ забытыхъ, а часто обстоятельствами и судьбою забитыхъ чиновниковъ; провидѣніемъ сирыхъ, безпріютныхъ, безпомощныхъ. Русская литература, русскіе литераторы, нуждавшіеся въ покровительствѣ, въ поддержкѣ, молодые новички, еще не успѣвшіе проложить себѣ дорогу, всегда встрѣчали въ немъ ходатая и умнаго руководителя. Одна эта заслуга мало извѣстная, нынѣ забытая, даетъ ему почетное мѣсто въ литературѣ нашей, особенно когда вспомнишь, что онъ былъ другомъ Карамзина и Жуковскаго» [5]).

Андрей Сергѣевичъ Кайсаровъ (1782—1813) менѣе извѣстенъ сравнительно съ его литературными друзьями, а потому мы находимъ умѣстнымъ сказать о немъ сколько возможно подробнѣе, руководствуясь какъ его собственными произведеніями, такъ и матеріалами, уцѣлѣвшими въ архивахъ, а также свидѣтельствомъ его современниковъ, его спутника и сотрудника.

Вскорѣ послѣ смерти Кайсарова появились біографическія извѣстія о немъ — на русскомъ языкѣ и нѣсколько подробнѣе на нѣмецкомъ. Въ Сынѣ Отечества помѣщена слѣдующая «некрологія» Кайсарова:

«Въ числѣ героевъ, падшихъ въ знаменитомъ сраженіи при Гайнау, 15 мая сего года, должно преимущественно сожалѣть о молодомъ человѣкѣ отличныхъ достоинствъ, маіорѣ *Андреѣ Сергѣевичѣ Кайсаровѣ*.— На тринадцатомъ году отъ роду опредѣленъ онъ былъ въ московскій университетъ, но не могъ кончить наукъ, ибо высочайшимъ повелѣніемъ 1796 года всѣ мо-

---

5) Полное собраніе сочиненій П. А. Вяземскаго. 1883. Томъ VIII. стр. 273—292.

лодые россійскіе дворяне приглашены были въ дѣйствительную военную службу. Онъ служилъ сержантомъ въ семеновскомъ полку; вскорѣ произведенъ былъ въ офицеры и перемѣщенъ въ полевой полкъ, гдѣ дослужился до штабсъ-капитанскаго чина; но будучи увѣренъ, что гражданинъ, совершенно образованный и свѣдущій въ наукахъ, можетъ принести отечеству истинную пользу, оставилъ онъ военную службу и посвятилъ себя наукамъ. Онъ поѣхалъ въ Геттингенъ, и учился въ тамошнемъ университетѣ, подъ руководствомъ Гейне, Геерена и другихъ знаменитыхъ мужей съ отличнымъ прилежаніемъ. Онъ защищалъ публично и потомъ издалъ въ печать достопамятную диссертацію: de manumitendis per Russiam servis (объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи) и получилъ за сіе на 22 году отъ роду докторское достоинство. — Онъ путешествовалъ послѣ сего по разнымъ европейскимъ землямъ; жилъ нѣсколько времени въ Эдинбургѣ, и также получилъ въ тамошнемъ университетѣ докторское достоинство. Шотландскій городокъ Друмфрисъ почтилъ его правомъ гражданства. На путешествіи своемъ собралъ онъ многія важныя и рѣдкія свѣдѣнія о древностяхъ и исторіи славянъ, и издалъ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: Versuch einer Slavischen Mythologie in alphabetischer Ordnung, von A. v. Kaissarow. 1803 (Опытъ славянскаго баснословія по азбучному порядку). Оно издано послѣ того и на россійскомъ языкѣ.

Послѣ сего возвратился онъ въ Россію, чтобы обратить пріобрѣтенныя имъ познанія на службу отечеству. Императорскій дерптскій университетъ, по увольненіи Г. А. Глинки, пригласилъ его къ принятію должности профессора россійскаго языка и словесности. Онъ служилъ въ семъ званіи до начала нынѣшней войны съ честію и одобреніемъ начальства. Изъ сочиненій, писанныхъ имъ въ Дерптѣ, напечатана на россійскомъ языкѣ одна рѣчь его *о любви къ отечеству*, говоренная имъ въ торжественномъ собраніи онаго университета, ноября 12, 1811 года, по случаю побѣдъ, одержанныхъ русскимъ воинствомъ на правомъ берегу Дуная.

Въ началѣ нынѣшней войны главнокомандующій почелъ нужнымъ завести полевую типографію. Профессоръ Кайсаровъ опредѣленъ былъ директоромъ оной.

Великій вождь русскихъ силъ, князь Кутузовъ-Смоленскій, уважая отличныя дарованія Кайсарова, поручилъ ему важныя дѣла въ своей канцеляріи. Не довольствуясь тѣмъ, что посвятилъ отечеству свѣдѣнія свои, Кайсаровъ рѣшился жертвовать ему и жизнію, вступивъ снова въ военную службу маіоромъ. По смерти высокаго покровителя своего, сопутствовалъ онъ старшему брату своему генералъ-маіору Паисію Сергѣевичу Кайсарову во всѣхъ битвахъ. Въ знаменитый день при Гайнау сражался онъ съ невѣроятною храбростію и истиннымъ геройствомъ. — Непріятельское ядро убило юнаго героя на тридцатомъ году его жизни, къ сожалѣнію всѣхъ его начальниковъ и товарищей, которые его любили и уважали.

Отечество и науки много въ немъ потеряли. По первымъ трудамъ и подвигамъ его можно было ожидать со временемъ еще лучшихъ.

Миръ праху его на полѣ чести!» [6]).

Въ хроникѣ университета, въ которомъ Кайсаровъ былъ профессоромъ, сообщаются свѣдѣнія, заимствованныя изъ печатныхъ и отчасти изъ устныхъ источниковъ:

Der ordentliche Professor der Russischen Sprache und Litteratur, Hofrath und Ritter D. Andrey Kaisarov, gebürtig aus dem Moskwaschen Gouvernement, starb als Major bey der Moskwaschen Landwehr, den schönen Tod für's Vaterland und für die gerechte Sache Europens in dem Gefechte bey Haynau, wo sein Bruder, der in der Kriegsgeschichte ruhmvoll bekannte Generalmajor, commandirte. Er war der jüngste von vier Brüdern, die alle mit Auszeichnung in Russ. Kaiserl. Dienst in Militär = und Staatsämtern dienen, und Besitzer von 250 männlichen Seelen auf dem Gute Baranovka im Saratovschen Gouvernement im At-

---

6) Сынъ Отечества. 1813. № XXV. стр. 237—240.

karskischen Kreise, und von 50 auf dem Gute Proseczie im Riasanschen Gouvernement im Raninburgischen Kreise. Schon im 13-ten Jahre widmete er sich auf der Univers. zu Moskwa den Studien, muszte indesz die angetretene Laufbahn verlassen, da ein Allerhöchster Befehl den jungen Russischen Adel zum activen Militärdienst rief. Er wurde d. 1 Jan. 1796 angestellt als Sergeant in dem Semenovschen Leibgarde-Regiment; als Fähndrich im Nascheburgischen Musketier-Regiment d. 22 Jan. 1797, als Lieutenant in demselben d. 5 Hov. 1799, nahm seinen Abschied als Stabscapitän d. 29 Dec. 1799. Denn schon in seinem 17-ten Jahre verliesz er die Militärdienste, um sich ganz den Studien zu widmen. Er ging nach Göttingen, studirte unter Schlözer, Heeren, Heyne, etc., und erhielt daselbst in 22-ten Jahre die philosophische Doctorwürde, nachdem er seine durch liberale Ansichten ausgezeichnete, auch in gutem Latein verfaszte, Sr. Majestät unserm Kaiser zugeeignete Diss. de manumittendis per Russiam servis, Götting. 1806, dem Drucke übergeben und am 13 May 1806 öffentlich vertheidigt hatte. Für diese Diss. erhielt er von Sr. Kaiserl. Majest. einen Brillantenring zum Geschenk, unter Bezeugung des Allerhöchsten Wohlwollens. Er reiste darauf nach Frankreich, England und Schottland, und verweilte eine Zeitlang in Edinburgh. Auch von der Universität dieser Stadt erhielt er eine akademische Würde, so wie das Bürgerrecht der kleinen Stadt Dumfries in Schottland. Auf seinen Reisen, besonders in Ungarn, sammelte er vieles zur genauern Kenntnisz der Alterthümer und der Geschichte der alten Slaven; gab auch in deutscher Sprache seine bekannte, von Sachkennern mit Beyfall aufgenommene Schrift: «Versuch über die Slavische Mythologie» heraus. Nach der Rückkehr in sein Vaterland wurde er von der Univ. Dorpat zu der durch den Abgang des Collegienraths Gregor Andrejewitsch Glinka (Verfassers einer Russ. Sprachlehre und Uebersetzers verschiedener Franz. Werke ins Russische) erledigten ordentl. Professur der Russ. Sprache und Litt. berufen, welche er d. 17 Sept. 1811 antrat, und mit Auszeichnung be-

kleidete. Während seines Aufenthalts in Dorpat hat er nur eine in Russischer Sprache am 12 Nov. 1811 öffentlich gehaltene Rede «über die Liebe zum Vaterlande» daselbst drucken lassen. Sie erschien im Druck auf Kosten der Univ., wurde auch vom damaligen studiosus zu Dorpat, gegenwärtigen Collegiensecretär Franz Joh. Pahl in St. Petersburg, ins Deutsche übersetzt, Dorpat (1811). Für diese Rede haben S. Kaiserl. Majestät, in Hinsicht seiner patriotischen Gesinnungen, dem Verstorbenen Ihr Allerhöchstes Wohlwollen zu erkennen zu geben befohlen. — Als im Kriege des J. 1812 der Oberbefehlhaber und Kriegsminister, des Hrn. Generals Barclay de Tolly Exc., die Errichtung einer Feldbuchdruckerey nothwendig erachtete, wurde Prof. Kaisarov zum Director derselben ernannt, und von Dorpat aus im Jun. 1812 nach dem Hauptquartier, das damals in Wilna war, beordert. Weiterhin trug der verewigte Gen. Feldmarschall Fürst Kutusov Smolenskoy ihm wichtige Geschäfte in seiner Kanzelley auf. Nach dem Tode dieses Feldherrn folgte er, als Major der Moskwaschen Landwehr, seinem Bruder, des Hern. Generalmajors und Ritters Kaisarov Exc., in mehrere Gefechte, bis ihn in dem für die Russ. Waffen so rühmlichen Gefechte bey Haynau eine feindliche Kanonenkugel traf, oder, nach Anderer Erzählung, er bey Zerstörung feindlicher Munizion den Tod fand. Er war unverheirathet, und hatte noch nicht sein dreyszigstes Jahr zurückgelegt, als er im Kampf für die gerechte Sache sein Leben opferte. Mit diesem kenntniszreichen jungen Manne von feurigem Geiste gingen für das Vaterland, auch für die Wissenschaften, schöne Hoffnungen zu Grabe. Insbesondere würde er für das gelehrtere Studium der Russischen Sprache, und für die Slavischen Alterthümer, wofür er fleiszig gesammelt hatte, bey längerm Leben Manches geleistet haben. Seine für diesen doppelten Zweck gemachten litterarischen Sammlungen scheinen, *auszerhalb Dorpats* sich, man weisz nicht wohin, verloren zu haben. (Was in der Auszerord. Beylage zur Dörptischen Zeitung, 1813, Nro. 14, vom Prof. K. steht, ist ein bloszer Abdruck von einem Artikel in der Petersb. Zeitschrift:

der Patriot. 1813. Nro LXVII. Letzterer Artikel liegt zwar bey der hier gegebenen Notiz zum Grunde, ist jedoch mit Zuziehung der officiellen so genannten Conduitenliste, mit Vergleichung der angef. Druckschriften des Verstorbenen, auch nach mündlichen Nachrichten, vom Verf. dieser Chronik zum Theil berichtigt, zum Theil erweitert) [7].

Въ іюнѣ 1812 года дерптскій университетъ получилъ слѣдующее отношеніе военнаго министра, главнокомандующаго первою западною арміею, Барклая-де-Толли:

«Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы гг. профессоры сего университета: политической экономіи Рамбахъ и россійской словесности Кайсаровъ были немедленно отправлены на время въ гауптъ-квартиру первой западной арміи для препорученій по извѣстному имъ предположенію, удостоенному высочайшаго одобренія.

Вслѣдствіе сего высочайшаго соизволенія мѣстный начальникъ дерптскаго университета благоволитъ исполнить слѣдующее:

1) Объявить гг. профессорамъ Рамбаху и Кайсарову, чтобы они постарались какъ можно поспѣшнѣе отправиться въ гауптъ-квартиру и явились ко мнѣ.

2) Чтобы вмѣстѣ съ собою взяли два стана для русской и нѣмецкой печати, а также пригласили бы съ собою двухъ переводчиковъ, четырехъ наборщиковъ и четырехъ печатниковъ.

3) Препровождаемую при семъ сумму десять тысячъ рублей вручить имъ же, гг. профессорамъ Рамбаху и Кайсарову, подъ росписку для употребленія по общему ихъ усмотрѣнію на путевыя издержки для себя и для приглашаемыхъ съ ними людей и на пріобрѣтеніе разныхъ матеріаловъ, нужныхъ для походной типографіи.

4) Объясниться съ гг. профессорами на счетъ извѣстнаго

---

7) Dörptische Beyträge für Freunde der Philosophie, Litteratur und Kunst. Jahrgang 1813. Erste Hälfte. S. 375—378.

имъ порученія и оказать имъ такое пособіе, какое только нужно имъ будетъ къ исполненію монаршей воли.

Гг. профессора съ будущими при нихъ должны будутъ отправиться сюда чрезъ Друю съ фельдъегеремъ Шенингомъ, который, по врученіи сего и денегъ, имѣетъ прежде отправиться въ С.-Петербургъ къ г. министру просвѣщенія и немедленно возвратиться въ Дерптъ. Его Величеству весьма пріятно будетъ, естьли по возвращенію сего фельдъегеря гг. профессора могутъ выѣхать не позже однихъ сутокъ».

20-го марта 1813 года попечитель дерптскаго учебнаго округа Клингеръ писалъ министру народнаго просвѣщенія, графу А. К. Разумовскому: «Профессора Кайсаровъ и Рамбахъ прошлаго года 5-го іюня по именному повелѣнію были отозваны г. военнымъ министромъ въ гауптъ-квартиру первой западной арміи. Но какъ профессоръ Рамбахъ давно уже возвратился въ университетъ, то должно думать, что обязанность ихъ кончилась. Отъ профессора же Кайсарова университетъ не получаетъ съ самаго начала его отъѣзда по сіе время никакого извѣстія, и посему мѣсто ординарнаго профессора россійскаго языка и литературы остается незамѣщеннымъ. Учащіеся слишкомъ уже давно не упражняются въ изученіи русскаго, столь для нихъ необходимаго языка, и совѣтъ университета часто самъ находится въ большомъ затрудненіи, долженъ будучи, исполняя волю вашего сіятельства, присылать нужнѣйшія донесенія и предложенія университета въ россійскомъ языкѣ. Профессоръ Рамбахъ возвратился обратно въ Дерптъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1812 года» [8]).

Но Кайсарову не суждено было возвратиться въ Россію: онъ былъ убитъ, какъ сказано выше, въ сраженіи при Гайнау.

Памятникомъ литературной дѣятельности погибшаго въ цвѣтѣ лѣтъ А. С. Кайсарова остались труды его, названные въ приведенныхъ нами біографическихъ очеркахъ.

---

8) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 119; дѣло № 2612.

Сочиненіе объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи было знаменіемъ времени: мысли высказанныя авторомъ, встрѣтили сочувствіе и въ тогдашнемъ обществѣ, и въ правительственныхъ сферахъ.

Сочиненіе Кайсарова: «Опытъ славянской миѳологіи», по своему содержанію и изложенію, а также по самому выбору предмета, привлекло вниманіе людей, дорожившихъ изученіемъ славянства, и во главѣ ихъ знаменитаго Добровскаго, патріарха славянской филологіи. Отзывы о книгѣ Кайсарова, появившіеся вскорѣ послѣ выхода ея въ свѣтъ, знакомятъ съ тогдашнимъ состояніемъ науки и должны быть приняты въ соображеніе при оцѣнкѣ труда, составленнаго при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, т. е. при полномъ отсутствіи научной разработки предмета.

Кайсаровъ издалъ сочиненіе свое понѣмецки, подъ заглавіемъ: Versuch einer Slavischen Mythologie, in alphabetischer Ordnung, entworfen von Andrey von Kayssaroff, Russisch Kayserlichen Stabs-Capitain. Göttingen. 1804.

Въ 1807 году вышелъ русскій переводъ, подъ названіемъ: «Славянская Миѳологія. Соч. Г. Кайсарова. Москва. Въ типографіи Дубровина и Мерзлякова».

Второе изданіе русскаго перевода вышло въ 1810 году, также въ Москвѣ. Оно составляетъ перепечатку перваго изданія, страница въ страницу (число всѣхъ страницъ 211); единственное измѣненіе въ заглавіи. Въ первомъ изданіи: «Славянская Миѳологія»; во второмъ изданіи: «Славянская и Россійская Миѳологія». Почти четверть книги занято пространнымъ «вступленіемъ», въ которомъ говорится о происхожденіи боговъ, объ изображеніи ихъ, о храмахъ, о празднествахъ, и наконецъ о судьбѣ славянской миѳологіи, т. е. о трудахъ въ этой области, появлявшихся въ иностранной и русской литературѣ.

Говоря о своихъ предшественникахъ, Кайсаровъ такъ отзывается объ одномъ изъ нихъ: «Г. Поповъ представилъ краткой чертежъ Славянской Миѳологіи. Хотя этотъ чертежъ такъ

кратокъ, что содержится только въ двухъ печатныхъ листахъ, однакожъ въ немъ находится довольно — пустаго. Авторъ не упоминаетъ даже объ источникахъ, изъ которыхъ онъ почерпалъ, считая это безполезнымъ дѣломъ. Какъ ни ошибочна и несовершенна книга сія; но она была такъ щастлива, что заслужила удивленіе Леклерка, который отъ слова до слова списалъ ее въ своей Россійской Исторіи. Но какъ чертежъ Славянской Миѳологіи показался ему слишкомъ малымъ, а притомъ надобно же было наполнить шесть толстыхъ книгъ, то присовокупилъ онъ нѣчто изъ Китайской Миѳологіи».

Добровскій замѣчаетъ по этому поводу: Vor andern hat mir sein freyes Urtheil über seinen Landsmann Popow und dessen blinden Nachbeter le Clerc, die er dann auch hier und da berichtigte, gefallen. Nichts bedarf einer kritischen Revision und Musterung im Gebiete der slawischen Alterthumskunde so sehr, als die Mythologie.

Приведемъ нѣсколько критическихъ замѣчаній Добровскаго изъ статьи его о Славянской Миѳологіи Кайсарова.

У Кайсарова: «Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что древняя рѣка Гипанисъ, нашъ нынѣшній *Бугъ*, былъ боготворимъ славянами; другіе еще далѣе простираютъ свои утвержденія: они говорятъ, что теперешнее русское слово *Богъ* произошло отъ слова *Бугъ*. Странное умствованье! Неужели жъ славяне, пока еще не пришли къ рѣкѣ Бугъ, не имѣли ни одного слова для означенія божества или даже объ немъ никогда не думали? Это опровергаютъ имена древнѣйшихъ славянскихъ идоловъ, Бѣлбога и Чернобога. Окончаніе сихъ словъ доказываетъ, что имя *Богъ* давно уже было въ славянскомъ языкѣ; слѣдственно христіанскіе славяне не отъ рѣки заимствовали это имя, а воспользовались стариннымъ своимъ словомъ. Съ симъ согласны слова всѣхъ славянскихъ народовъ. На русскомъ *Богъ*; на польскомъ, верхне-лаузицкомъ, кассубійскомъ, кроашскомъ, силезскомъ, *Богъ;* на нижне-лаузицкомъ *Богъ* (Bohg); на краинскомъ *Бугъ;* на богемскомъ *Бегъ* (Böh). Какъ же могли имена такъ со-

гласоваться между собою, когда на берегахъ рѣки Буга поселилась одна только отрасль славянъ Дулебы, а впослѣдствіи другія отрасли ихъ? Прочіе славяне, жившіе въ Богеміи, Мекленбургѣ и далѣе, можетъ быть въ первыя времена не знали еще ничего о сей рѣкѣ, а при всемъ томъ знали однакожъ имя Богъ. Посему весьма вѣроятно утвержденіе г. Болтина, что эта рѣка была такъ названа отъ сарматовъ, еще прежде, нежели славяне поселились на берегахъ ея. Другое затрудненіе, а именно: въ самомъ ли дѣлѣ приносили славяне жертвы рѣкамъ, можно рѣшить изъ нашихъ лѣтописей, гдѣ сказано о кіевскихъ славянахъ: *Бяху же тогда погани жруще езерамъ и кладеземъ и рощеніямъ, якоже и прочіи погани.*

Добровскій: Der Artikel *Bug* ist mit Kritik behandelt worden, etc.

У Кайсарова: «Русское баснословіе описываетъ *Кащея* живымъ остовомъ. Говорятъ, что онъ страшно любилъ молодыхъ дѣвицъ и похищалъ ихъ отъ родителей», и т. д.

Добровскій: Kasczej, von *kost* — Bein, Knochen, ist ein lebendiges Skelett. Er raubte junge Mädchen, etc.

У Кайсарова: «Въ сказкахъ замѣчательны слѣдующіе стишки:

Баба Яга,
Костяная нога,
Въ ступѣ ѣдетъ,
Пестомъ погоняетъ,
Слѣдъ помеломъ заметаетъ».

Добровскій: Der letzte Vers erinnert mich an einen Gebrauch in Böhmen, wo man schreyt: *staré baby na pometlo.* Pometlo, russ. pomelo, ist der Ofenwisch, Ofenbesen. Wer erklärt uns aber das Beywort *jaga*?

У Кайсарова: «*Купало* — русское божество, коего истуканъ стоялъ въ Кіевѣ. Купало былъ богъ плодовъ, и въ началѣ жатвы, т. е. 24 іюня, приносили ему жертвы; тогда на поляхъ сожигали

большіе костры. Въ иныхъ селахъ можно и нынѣ еще въ этотъ день найти нѣкоторое сходство съ праздиествами древнихъ, и даже горящія груды дровъ доселѣ именуются *купальницами*».

Добровскій: *Kupalo* ist nicht anders, wie ich vermuthe, als das Feuerfest, das man Johannisfeuer nennt. Aber warum macht man aus dem Namen des Festes einen Götzen, dessen Bild in Kiew gestanden haben soll? *Kupa* ist ja in den meisten Mundarten ein Schober, ein Haufen, und *kupalo*, als Fest, hat also seinen Namen davon. Noch in meiner Jugend sah ich es mit an, wie man Kühe über das Feuer führte, um sie vor Hexereyen zu bewahren. Das Fest ward eigentlich der Sonne zu Ehren, wegen der Sonnenwende, gefeyert.

У Кайсарова: «*Полканъ* или *Полуконь* не есть ли центавръ древнихъ? Басня даетъ ему видъ человѣка съ головы до пояса, у котораго однакожъ прочая часть тѣла подобна лошади».

Добровскій: Jch möchte lieber fragen, wo findet man die erste Nachricht von ihm? und warum schreibt man seinen Namen nicht lieber Polkoń, wenn er zur Hälfte ein Pferd gewesen seyn soll?

У Кайсарова: «*Сива* была богиня полабовъ, которые почитали ее божествомъ плодородія и жизни», и т. д.

Добровскій: *Siwa*, die Göttin des Lebens, bey den Polaben. Dies ist die gewöhnliche Erklärung, weil man dabey an *žiw*, *žiwa*, vivus, viva, dachte. Hätte man nicht vielmehr an den Indischen *Schiva* denken sollen? Sonderbar genug, das die slawischen Mythologen nicht darauf verfallen sind, ihre Götternahmen in Indien zu suchen.

У Кайсарова: «Въ Придвицѣ нашли статую съ надписью *Вóда*. Какъ сей истуканъ былъ представленъ вооруженнымъ и съ воинскими доспѣхами, то думали, что это изображеніе бога войны. *Вóдою* назывался предводитель, чему служить можетъ доказательствомъ старое русское слово *воевода*, т. е. военачальникъ или полководецъ», и т. д.

Добровскій: Den Namen *Woda* fand man auf einem zu Pril-

witz gefundenen Götzenbilde. Man hielt ihn für den *Wodan* der Skandinavier. Hr. v. K. aber will ihn, da *woda* in dem Worte *wojewoda* einen Anführer bedeutet, den Slawen zuschreiben. Man mag wählen. Mir ist diese Bedeutung des Wortes *woda*, auszer der Zusammensetzung, nicht erwiesen genug. *Wož*, *Wožd'*, dux, bey den Böhmen *wudce*, Herzog, könnten zwar damit verglichen werden; allein ist auch *woda* auszer der Zusammensetzung bey irgend einem Stamme gebräuchlich gewesen? etc. [9]).

Книга Кайсарова сдѣлалась у насъ извѣстной въ нѣмецкомъ подлинникѣ, и отзывы о ней не замедлили появиться въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ.

Въ *Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ* — журналѣ, имѣвшемъ въ виду знакомить русскихъ читателей съ замѣчательными научными произведеніями, выходившими въ Россіи и заграницею, находимъ такую оцѣнку сочиненія А. С. Кайсарова Versuch einer Slawischen Mythologie:

«Древняя славенская миѳологія весьма заслуживаетъ старательнѣйшее изслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что она содержитъ въ себѣ мнѣнія *нашихъ предковъ* и гораздо ближе касается до насъ, нежели египетская, греческая, римская и скандинавская миѳологіи, съ которыми однакожъ мы обыкновенно болѣе знакомимся, по употребленію ихъ въ наукахъ и художествахъ. *Опытъ*, который къ распространенію основательнѣйшаго познанія славенской миѳологіи сдѣлалъ г. Кайсаровъ (одинъ изъ отличныхъ воспитанниковъ Благороднаго Пансіона, при нашемъ университетѣ, который потомъ въ Геттингенѣ прилежаніемъ своимъ пріобрѣлъ хорошія свѣдѣнія въ наукахъ), сей опытъ его весьма драгоцѣненъ по своей важности, и имѣетъ все право на нашу благодарность. Онъ рачительно воспользовался всѣми пособіями, какія могъ заимствовать, касательно своего предмета, изъ собраній древнихъ славенскихъ и рускихъ сказаній и пѣсенъ; изъ остав-

9) Slavin. Beiträge zur Kenntnisz der Slawischen Literatur, Sprachkunde und Alterthümer, nach allen Mundarten. Von Joseph Dobrowsky. 1808. S. 401—416.

шихся обыкновеній языческихъ славянъ въ Россіи, Польшѣ и Богеміи; изъ найденныхъ и описанныхъ изображеній боговъ и богослужебныхъ сосудовъ въ вендскихъ и прежде занимаемыхъ славянами мѣстахъ и странахъ Германіи; изъ историковъ сѣверныхъ народовъ, изъ частныхъ сочиненій многихъ новѣйшихъ, какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ ученыхъ испытателей древности. Избранный имъ порядокъ по алфавиту весьма приличенъ и соотвѣтственъ цѣли; равно какъ и характеристическое описаніе каждаго изъ славенскихъ боговъ по своей исторической точности, какая только была здѣсь возможна, и по ясности предложенія и изъясненія заслуживаетъ одобреніе. Касательно понятій, какія г. сочинитель полагаетъ основаніемъ или поводомъ при введеніи славенскихъ боговъ и при ихъ почитаніи, въ иныхъ мѣстахъ конечно можно сдѣлать возраженія. Но сіе поле древностей есть, да и было съ давнихъ временъ, такъ сказать, сборнымъ мѣстомъ различныхъ догадокъ, которыхъ справедливость не всегда можно доказать со всею строгостію. Пусть только вспомнятъ читатели о многоразличныхъ другъ другу противорѣчащихъ изъясненіяхъ миѳологіи египетской, греческой и римской, гдѣ нѣтъ однакожъ недостатка въ историческихъ извѣстіяхъ, въ стихотвореніяхъ, въ памятникахъ искусства, въ развалинахъ храмовъ, и пр., которые всѣ могли быть приняты въ помощь для открытія истины. Въ славенской миѳологіи нѣтъ источниковъ столь богатыхъ; слѣдовательно здѣсь и гораздо менѣе отъ испытателя можно требовать совершенной достовѣрности въ его изъясненіяхъ. Г. Кайсаровъ присовокупилъ къ своему сочиненію нѣкоторыя весьма хорошо выгравированныя изображенія знатнѣйшихъ славенскихъ божествъ, какъ то: Золотой Бабы, Свѣтовида, Кродо, Сивы и Радегаста. Для ученаго россіянина исправность, хорошій навыкъ и легкость въ нѣмецкомъ слогѣ есть также отличное и рѣдкое преимущество» [10]).

10) Московскія Ученыя Вѣдомости. № 6. Суббота, 11 февраля 1805 года. стр. 41—44.

Въ двухъ книжкахъ журнала *Сѣверный Вѣстникъ* также помѣщена рецензія на книгу Кайсарова *Опытъ Славянской Миѳологіи*, изданной въ Геттингенѣ, на нѣмецкомъ языкѣ:

«Сочинитель *Опыта* взялъ въ Германіи дурной примѣръ писаться съ чиномъ; но это тамошняя болѣзнь. Безъ *этацъ-ратъ*, безъ *гофъ-ратъ*, ученые люди сочли бы себя не довольно значущими. Но пропуская это, сей достойный молодой человѣкъ сочинилъ намъ прекрасный *Опытъ Славянской Миѳологіи*..... Книга Кайсарова имѣетъ всю историческую важность; на нее можно вездѣ полагаться. Она почерпнута изъ лучшихъ источниковъ, какіе только можно было найти подъ руководствомъ славнаго Шлецера, и открыть въ путешествіи по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ еще остались памятники сего баснословія. Она заключаетъ многія историческія и любопытныя свѣдѣнія о мѣстахъ, гдѣ какіе кумиры были обожаемы, о ихъ храмахъ, видѣ, облаченіи и проч. Доказательства въ ней ясны и основаны на историкахъ, всѣми принятыхъ и почитаемыхъ. Словомъ сказать: она первая показываетъ путь, какъ должно настоящимъ, ученымъ образомъ писать о сей матеріи... Напрасно сочинитель не справился съ книгою г. Арнкіеля, который описалъ подробно богослуженіе, жертвы, украшенія и празднества древнихъ славянъ, и которую наши дѣеписатели Татищевъ и Елагинъ такъ много выхваляютъ. Непростительно, что онъ объ ней даже не упомянулъ. Также не видно, чтобы онъ зналъ Словарь древностей г. Гедериха, который много объясняетъ нашу миѳологію..... Слогъ должно послѣ всего разсматривать въ сочиненіяхъ розыскательныхъ или ученыхъ. Въ *Опытѣ,* еслибъ гдѣ нибудь и нашлась негладкость, то она извинительна человѣку, который пишетъ на чужомъ языкѣ; я желалъ бы однакожъ, чтобъ наши *лѣшіе* на нѣмецкомъ впредь не склонялись: напр. den leschien, von leschien и проч. [11]).

11) Сѣверный Вѣстникъ. 1805. Часть VII. № VIII. стр. 159—172; Часть VIII. № XI. стр. 123—141.

При изданіи русскаго перевода книги Кайсарова не обозначено имени переводчика; оно названо въ библіографическомъ трудѣ Шторха и Аделунга. Тамъ сказано: «Достопримѣчательностію литературы можно принять здѣсь то, что сія, *россіяниномъ* на *нѣмецкомъ* языкѣ сочиненная, книга переведена на *россійскій* языкъ *нѣмцемъ* (Аллеромъ) въ Москвѣ» [12]).

Писатели, касавшіеся въ своихъ произведеніяхъ области славянской миѳологіи, заимствовали свѣдѣнія изъ книги Кайсарова. Батюшковъ пользовался ею при изображеніи языческихъ божествъ въ повѣсти *Предслава и Добрыня*. Герой повѣсти Добрыня «явился, и всѣ взоры на него обратились, и ланиты Предславы запылали розами. Юные гридни подвели ему коня, на которомъ Владиміръ воевалъ въ молодости. Преданіе говоритъ, что конь сей былъ нѣкогда посвященъ *Свѣтовиду* и имѣлъ даръ пророчества..... Восторженные кіевляне воскликнули: «Честь и слава Добрынѣ и всей дружинѣ русской!» Цвѣты посыпались на юношу изъ рѣзныхъ кошницъ прекрасныхъ женъ и дѣвъ кіевскихъ, и эхо разнесло по долинѣ, гдѣ видны были развалины храма, посвященнаго вѣчно-юной *Зимцерлѣ*: «Честь и слава дружинѣ!»..... Внезапно воздухъ помрачился тучами. Зашумѣли вихри, и громъ трижды ударилъ надъ главами зрителей. Сердца малодушныхъ женъ и старцевъ, которые втайнѣ покланялись мстительному *Чернобогу*, исполнились ужасомъ».....

Самъ Батюшковъ сдѣлалъ такое примѣчаніе: «Конь бога Свѣтовида имѣлъ даръ пророчества. Смотри миѳологію славянъ, г. Кайсарова» [13]).

У Кайсарова находимъ такого рода свѣдѣнія: «Отъ сокровища Свѣтовидова содержаны были триста всадниковъ съ толикимъ же числомъ лошадей. Когда у Рюгенцовъ была война, то и сіи всадники отправлялись въ походъ, и вся добыча, получен-

---

12) Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи въ теченіе пятилѣтія, съ 1801 по 1806 годъ, сочиненное А. Шторхомъ и Ф. Аделунгомъ. 1811. Часть вторая. стр. 90.

13) Сочиненія К. Н. Батюшкова. 1885. Т. II. стр. 52, 42, 54.

ная ими на сраженіи, принадлежала *Свѣтовиду*. Кромѣ сихъ лошадей держали еще бѣлаго коня, принадлежавшаго собственно лицу идола. Сего коня употребляли на то, чтобы узнать предстоящую судьбу при какомъ либо предпріятіи. Когда думали начать войну, то втыкали въ землю предъ храмомъ три пары копьевъ крестообразно, и если конь правою ногою перепрыгивалъ чрезъ нихъ, то это служило добрымъ предвѣщаніемъ.... По одному только словопроизводству утверждаютъ, что *Зимцерла* была богиня весны, потому что имя ея, говорятъ, составлено изъ слова *зима* и *стереть*..... *Чернобогъ* былъ противоположенъ Бѣлбогу; его почитали злымъ божествомъ, такъ какъ Бѣлбога добрымъ. Дабы примирить его, приносили ему кровавыя жертвы; мольбы, къ нему возсылаемыя, были печальны, и часто заключали въ себѣ ужаснѣйшія заклинанія», и т. д.

Рѣчь А. С. Кайсарова, произнесенная въ университетскомъ собраніи, издана подъ такимъ заглавіемъ: «Рѣчь о любви къ отечеству. На случай побѣдъ, одержанныхъ русскимъ воинствомъ на правомъ берегу Дуная, въ торжественномъ собраніи Императорскаго дерптскаго университета, ноября 12 дня 1811 года, говоренная надворнымъ совѣтникомъ, философіи докторомъ, россійскаго языка и словесности профессоромъ П. О., обществъ геттингенскаго физическаго и парижскаго академическаго наукъ членомъ, шотландскаго города Друмфриса гражданиномъ Андреемъ Кайсаровымъ. Дерптъ, въ университетской типографіи М. Г. Гренціуса». Все значеніе этой рѣчи, по мнѣнію самого автора, заключается въ томъ, въ какой средѣ и на какомъ языкѣ она произнесена. Обращаясь къ своимъ слушателямъ и преимущественно къ студентамъ, ораторъ говоритъ: «Какъ утверждается между иноплеменными неразрывная связь? Что сближаетъ ихъ? Что къ одной, общей цѣли побуждаетъ? Языкъ связуетъ ихъ! Языкъ, которымъ они внятно могутъ выражать другъ другу чувствованія сердца, изъяснять души тончайшія движенія. Въ первый разъ раздастся языкъ русскій въ семъ святилищѣ музъ. Въ первый разъ осмѣливается русскій,

будучи призванъ гражданами сего града и своими почтенными сотоварищами, употребить языкъ свой въ торжественномъ собраніи сего сословія. Щастливымъ бы я почелъ себя, естьлибъ слова мои коснулись не одного слуха, но и сердецъ вашихъ, и воспламенили бы въ нихъ должное уваженіе и привязанность къ языку обильному, красотами исполненному, — къ языку, въ отечествѣ нашемъ господствующему. Щастливъ былъ бы я, естьлибъ вы, юноши, ищущіе здѣсь образовать умъ и сердце ваше, желающіе здѣсь содѣлаться полезными членами общества, увидѣли: сколь необходимъ для васъ языкъ народа величайшаго въ свѣтѣ, языкъ вашего Отечества! Естьлибъ вы почувствовали, что безъ него не можете вы быть истинными русскими. Естьлибъ вы убѣдились въ томъ, что въ цѣпи, человѣческое общество утверждающей, языкъ есть звѣно твердѣйшее; что онъ есть тотъ волшебный камень, посредствомъ котораго исчезаетъ величайшее пространство, и житель одного полюса узнаетъ въ жителѣ другого своего брата; что онъ рождаетъ то же чувство, тѣ же мысли, то же біеніе сердца въ обитателяхъ береговъ быстро-крутящагося Иртыша, мрачнаго Дуная и тихо-величественной Невы. О естьлибъ вы сіе почувствовали, тогда ваше щастіе, ожиданія Россіи — и слава оратора достигли бы крайней цѣли», и т. д. Въ примѣчаніи сказано: «Рѣчь сія писана наканунѣ торжества. Сочинитель имѣлъ щастіе возбудить удовольствіе во всѣхъ, понимавшихъ его. Университетъ приказалъ напечатать рѣчь на свой счетъ».

Посылая рѣчь свою министру народнаго просвѣщенія, графу А. К. Разумовскому, Кайсаровъ писалъ, 27 ноября 1811 года: «Осмѣливаюсь всепокорнѣйше поднести Вашему Сіятельству рѣчь, говоренную мною въ здѣшнемъ Университетѣ. Она не имѣетъ никакихъ достоинствъ; но какъ явленіе, до сихъ поръ въ здѣшнемъ краю неизвѣстное, заслужило вниманіе публики. Въ первой еще разъ Русской осмѣлился говорить языкомъ своимъ въ семъ Университетѣ. Имѣя щастіе служить подъ начальствомъ Мецената, и зная съ какимъ безпримѣрнымъ рвеніемъ Ваше Сія-

тельство изволите покровительствовать языку нашего Отечества, я смѣю ласкать себя лестною надеждою, что произведеніе нѣсколькихъ часовъ удостоится вашего взора».

Графъ А. К. Разумовскій увѣдомилъ попечителя округа, что «Его Величество выслушавъ съ удовольствіемъ рѣчь сію, повелѣть соизволилъ объявить Кайсарову высочайшее благоволеніе» [14]).

Кайсаровъ писалъ и стихотворенія; одно изъ нихъ помѣщено въ Трудахъ общества любителей россійской словесности:

Моя надежда.

Романсъ А. С. Кайсарова.

Надежда! ты моей Богиней
Была, когда и я мечталъ, —
Когда любезною Ельвиной
Мой страстный духъ во мнѣ сгаралъ!
Ельвины нѣтъ ужъ для меня!

Надеждой сладкой наслаждался,
Когда Росслава я нашелъ;
Но онъ увялъ, — а я остался —
И сладкій сонъ опять прошелъ!
Росслава нѣтъ ужъ для меня!

Надеждою душа питалась,
Когда Всемилу я любилъ;
Я мучился, она смѣялась, —
И томный духъ на вѣкъ уныль!
Всемилы нѣтъ ужъ для меня!

Я строилъ замки — разрушались;
Я снова строить начиналъ:

14) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 118. Дѣло № 2584.

Мои мечтанья миновались,
Я тѣломъ и душей увялъ!
Теперь въ развалинахъ стою!

Корабль стремится чрезъ пучину —
Вѣтръ снасти и вѣтрила рветъ:
Онъ не брежетъ свою судьбину —
Надежда вмѣстѣ съ нимъ плыветъ:
На чтожъ и кормчій для него?

А мой челнокъ куда несется?
Гдѣ будетъ пристань для него? —
Еще надежда остается
Несчастному пловцу его —
И для меня могила есть!

Въ примѣчаніи редакціи сказано: «Романсъ сей не былъ еще напечатанъ равно какъ и другія стихотворенія сего почтеннаго любителя словесности. Г. Алферьевъ положилъ оный на музыку еще при жизни г. Кайсарова» [15]).

Современники цѣнили Кайсарова и какъ писателя, подававшаго большія надежды, и какъ человѣка. Въ письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу часто упоминается имя Кайсарова, и всегда съ большимъ сочувствіемъ: «Я нынче больше чувствую цѣну твоей и нѣкоторыхъ другихъ людей дружбы. Желалъ бы, чтобы мы съ Андреемъ Сергѣевичемъ были въ тѣснѣйшей связи; онъ долженъ быть хорошій человѣкъ; скажи ему это.... Что Андрей Сергѣевичъ? Знаешь ли что мнѣ приходитъ въ голову съ нимъ поближе сойтись. Намъ надобно составить отдѣльное общество.... И что Андрей Сергѣевичъ? Я видѣлъ послѣдняго въ проѣздъ его черезъ Москву: добрый малый, все тотъ же; надобно, чтобъ онъ навсегда остался нашимъ. Скажи ему это, когда будешь писать. Я обнимаю его отъ всего сердца... О

15) Труды вольнаго общества любителей россійской словесности. 1818 годъ. Часть IV. стр. 223—224. Приложены и ноты для пѣнія, фортепьяно и гитары.

братѣ Андреѣ я погрустилъ. Славная, завидная смерть! Стихи на смерть нашего Андрея будутъ написаны и посвящены тебѣ»[16]).

Много лѣтъ прошло по смерти Кайсарова, и Тургеневъ съ особенною теплотою вспоминалъ о своемъ другѣ, котораго такъ близко узналъ и оцѣнилъ во время заграничнаго путешествія, предпринятаго ими съ образовательною цѣлью. Надо замѣтить, что подобнаго рода путешествіе было любимою мечтою Кайсарова и его друзей. Мечта эта осуществилась для Кайсарова и Тургенева въ самую раннюю пору ихъ молодости. Живя и работая заграницею, они не разрывали связей своихъ съ оставшимися въ Россіи друзьями, и вели съ ними переписку.

Въ дружескомъ кругу былъ обычай писать коллективныя письма. Жуковскій пишетъ Тургеневу: «Это письмо писано къ тебѣ и къ Мерзлякову, моему *товарищу* (какъ много заключается подъ этимъ словомъ). Онъ мой товарищъ; лучшее и самое критическое время жизни моей пройдетъ съ нимъ. Я не пишу къ нему особенно, потому что все равно, къ тебѣ ли, къ нему ли надпись на конвертѣ: содержаніе для васъ обоихъ».

Весьма любопытно письмо Мерзлякова; оно писано также къ обоимъ отсутствующимъ друзьямъ.

А. Ѳ. Мерзляковъ писалъ А. И. Тургеневу и А. С. Кайсарову, 17 сентября 1802 года:

«Гдѣ вы живете любезнѣйшіе друзья мои Александръ Ивановичь и Андрей Сергѣевичь? Въ какихъ странахъ отдаленныхъ совершаете вы свое много-знаменитое путешествіе между тѣмъ, какъ бѣдной Мерзляковъ таскается только по грязи отъ Пансіона до Университета и отъ Университета до Пансіона.

Гдѣ, гдѣ часы сіи прекрасны,
Когда мы въ *кочкахъ* подъ шатромъ,
Въ Сентябрски вечера ненастны,
Съ любезной трубкой и виномъ,

---

16) Письма В. А. Жуковскаго къ Александру Ивановичу Тургеневу. 1895. стр. 6, 22, 53, 103, 105.

Родные пѣсенки пѣвали
И съ бурей голосъ соглашали?—
Когда предъ нами съ тьмой почной
Огонь сражался Оссіяна,
Древа шумѣли надъ главой,
И воды горня океяна
Лились въ стремительныхъ дождяхъ
Березы старые скрипѣли
На сильныхъ сплетшихся корняхъ.
И листья желтые летѣли,
И слались по сырой землѣ;...
Съ улыбкой мирной на челѣ
Во кругъ огня мы всѣ сидѣли,
И съ удовольствіемъ смотрѣли
Какъ *гретое* рукой твоей,
Любезной милой мой Андрей,
Готовилось на общу радость;—
Оно могло перемѣнить
Природы сѣтующій видъ,
И возвратить ей жизнь и младость.

Какъ все перемѣнилось, братцы?—Прошедшая осень живо и навсегда впечатлѣлась въ моей памяти. Думалъ ли я что нынѣшняя будетъ столько для меня печальна.

Съ кѣмъ нынѣ буду я внимать
Осенней бури шумъ ужасной?
Съ кѣмъ стану скуку раздѣлять
Во время мрачное, непастно?
Съ кѣмъ буду *гретое* я пить?
Съ кѣмъ пѣсню затяну унылу?
. . . .
И Оссіянъ уже забытъ!
И на разрытую могилу

Прошедшихъ радостей забавъ *)
Ни кто, ни кто уже не взглянетъ!
Ни кто, ни кто не воспомянетъ
Тотъ *садъ* гдѣ дружба разцвѣла:
Мое блаженство мнѣ явила,
Утѣхи вѣка въ часъ стѣснила,
И — все съ собою унесла!...

Воейкова не вижу: онъ столько же рѣдко является на московскомъ горизонтѣ, какъ осеннее солнце. Живу совершенно одинъ въ моей маленкой комнатѣ съ одними книгами, которые невсегда меня развеселяютъ. Вмѣстѣ съ осенью натуры, кажется пришла въ нашъ Университетъ и моральная его осень. — Обстоятельства тёмны также какъ и прежде: блѣдный лучь свѣта иногда проглядываетъ, что бы устрашить насъ; — велятъ надѣяться: но эта-то надежда и мучить меня: потому что я желаю больше, нежели другіе желаютъ. — Въ самомъ дѣлѣ, какая мнѣ польза въ штатѣ Университета, когда не буду я подъ покровительствомъ того, которой одинъ только и хочетъ и можетъ защищать меня?... Это значитъ, предаться совершенно въ жертву превосходительнымъ собакамъ, которые всегда бываютъ злѣе обыкновенныхъ?— Университетъ для меня всегда былъ чужимъ мѣстомъ: — одинъ Иванъ Петровичь могъ породнить меня съ нимъ.... что жъ безъ Ивана Петровича?...[17]).

Въ такихъ нахожусь я обстоятельствахъ любезные друзья мои? — Говорятъ, директоръ нашъ будетъ изъ профессоровъ, а главной начальникъ, названный министромъ народнаго просвѣщенія — Заводовскій, которому *подвержена* вся ученость въ Россіи. — Такимъ-то образомъ, кажется наконецъ отдали Университетъ въ лапы того медьвѣдя, которой всегда на него грозился. — Кураторы наши явились наконецъ въ натуральномъ

17) Иванъ Петровичъ Тургеневъ — директоръ московскаго университета съ 1795 по 1803 годъ.

*) Домъ развалившійся Воейкова (*примѣчаніе Мерзлякова*).

своемъ видѣ то есть шашками, собранными въ мѣшокъ послѣ игры. — Это все сказываю я такъ какъ вѣрное; — какъ бы я желалъ обмануться на этотъ разъ?...

Уже Андрей Харитоновичъ [18]) съ печальнымъ видомъ жаловался мнѣ: что *покои занимаемые Иваномъ Петровичемъ будутъ для тятеньки его весьма тѣсны, и что они будутъ принуждены занять больше, нежели сколько теперь занимаетъ Директоръ!!!*...

Посмотримъ чѣмъ начнется наша революція; я бы кажется умнѣе сдѣлалъ, естьли бы по примѣру Кирилова [19]) (которой уже

---

18) Андрей Харитоновичъ Чеботаревъ — въ то время студентъ, впослѣдствіи адъюнктъ по каѳедрѣ химіи и технологіи въ московскомъ университетѣ. Отецъ его Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ (1746—1815)—профессоръ исторіи, нравоученія и краснорѣчія въ московскомъ университетѣ; въ 1803 году избранъ въ ректоры.

19) Петръ (въ монашествѣ Порфирій) Кирилловъ (1775—1817), сынъ протоіерея, обучался въ смоленской семинаріи греческому, латинскому и французскому языкамъ, богословію и философіи. 7 января 1797 года записанъ въ разночинскую гимназію при московскомъ университетѣ Въ 1798 году произведенъ въ студенты и переведенъ въ университетъ, въ которомъ обучался логикѣ и метафизикѣ, энциклопедіи, краснорѣчію, всеобщей исторіи, практической философіи, римскому праву, россійскому практическому законоискусству, чистой математикѣ, натуральной исторіи и опытной физикѣ; награжденъ двумя серебряными и одною золотою медалью—отъ юридическаго и философскаго факультетовъ. Въ 1800 году опредѣленъ репетиторомъ въ университетскій пансіонъ, а 3 декабря 1802 года уволенъ, по прошенію, отъ университета, съ аттестатомъ. 20 января 1803 года принятъ митрополитомъ Амвросіемъ на службу въ Александроневскую Академію, въ которой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ преподавалъ послѣдовательно: ариѳметику, геометрію, грамматику, риторику, философію, математику, греческій языкъ, и пр. 16 марта 1803 года постриженъ въ монашество. 3 іюня 1806 года произведенъ въ архимандриты. 1 ноября 1808 года назначенъ префектомъ Александроневской академіи. 4 августа 1809 года переведенъ настоятелемъ Кириллово-Бѣлозерскаго монастыря, гдѣ и скончался 27 сентября 1817 года.

(Архивъ св. синода; дѣла: 1806 года, № 246; 1808 года, № 480; 1809 года, № 629; 1817 года, № 950. —

Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи, сочиненіе Иларіона Чистовича. 1857. стр. 132).

Ср. Жуковскій пишетъ А. И. Тургеневу: «Увѣдомь скорѣе меня, Кириловъ и архимандритъ Филаретъ одна ли персона? Мнѣ это знать весьма нужно».

(Письма В. А. Жуковскаго къ Александру Ивановичу Тургеневу. 1895. стр. 105—106. Письмо, писанное въ 1813 году).

ведетъ переписку съ митрополитомъ петербургскимъ) удалился заранѣе отъ непогоды; но такъ и быть: подожду того сладкаго удовольствія — что бъ меня выгнали, что бъ меня обвинили за то, что я любилъ добрыхъ и чувствовалъ благодѣянія моихъ благодѣтелей и *не иде на совѣтъ нечестивыхъ.*

Но полно объ этомъ.—*Кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ.*—Скажите вы про себя: какъ живете, что видите и слышите, и чѣмъ занимаетесь. Жуковской еще все въ деревнѣ; про него ни слуху ни духу; — Кашинъ [20]) занимаетс своимъ ремесломъ. Воейковъ нанялъ въ Москвѣ домъ; и какъ скоро пріѣдетъ, то перетащусь и я къ нему, и примемся опять за воздушные замки.—Для чего не получали мы отъ васъ такъ долго писемъ? Стыдно, братцы, забывать. — Рядзанка [21]) ни кому не пишетъ, какъ будьто бы его совершенно не было на этомъ свѣтѣ.

Говорятъ что у насъ при дворѣ великіе перемѣны: но мнѣ жаль бумаги на описаніе перемѣнъ придворныхъ! — Я думаю, батюшка вамъ напишетъ, что написать можно.

Всѣмъ вашимъ товарищамъ поклонитесь: вамъ всѣ кланяются.

Книгу твою, Андрей Сергѣевичь еще не начинали печатать; потому что переписчикъ твой не разобравъ твоей рукописи, навралъ пуще Божьяго милосердія.—Я перемарывалъ ее снова, и снова давалъ переписывать: это было скушно; но, теперь, слава Богу, все кончено.

Николай и Сергѣй учатся у меня въ классѣ, и — путь будетъ! — Только Николай не много упрямъ: напишите къ нимъ писульку Александръ Ивановичь, въ которой должно быть сказано: что бъ они были между собой дружнѣе, что бъ они любили другъ друга также, какъ любятся ихъ большіе братцы. —

Сегодни осматриваетъ Университетъ нашъ Принцъ Глоче-

20) Даніилъ Никитичъ Кашинъ, учитель музыки въ московскомъ университетѣ, ученикъ Сарти.

21) Семенъ Родзянка—товарищъ Тургенева и Кайсарова по Благородному Пансіону.

стерской!—То-то увидитъ новости!—Посмотрѣвъ на *худое Московское* онъ можетъ потерять изъ головы все, что ни видѣлъ хорошаго въ Европѣ! — Это — то же что войти въ н . . . . . ъ опрысканому благовонными духами петиметру!...

Не знаю, что бы еще написать къ вамъ, милые друзья мои.— Ни чего больше кромѣ того что я всегда писать къ вамъ буду: помните меня и любите! — Я каждой день спрашиваю у Василья Степановича [22]), не получено ли чего отъ васъ; съ нимъ говорю о прошедшемъ; съ нимъ попѣваемъ тѣ пѣсни, которые пѣли подъ Девичьимъ, куримъ табакъ попеременно изъ трубки Андрея Сергѣевича, и послѣ каждаго куплета пѣсни приговариваемъ: *ахъ! кабы они были сдѣсь!*

Но вы съ нами не будете долго, очень долго!— Чтожъ дѣлать? — По крайнѣй мѣрѣ пишите, пишите непремѣнно. Я жду отъ Андрея Ивановича [23]) письма. — Онъ остался въ Венѣ. — Прощайте милые! — Учитесь веселитесь и будьте здоровы! — Авосьлибо судьба и велитъ мнѣ увидѣть васъ гдѣ нибудь прежде положеннаго срока!—Сладостная надежда! — Съ нею я засыпаю и пробужаюсь; съ нею цѣлую васъ въ эту минуту; съ нею говорю вамъ: простите! Я всегда и вѣчно Мерзляковъ» [24]).

---

22) Не идетъ ли здѣсь рѣчь о Василіѣ Поляковѣ? Онъ былъ товарищемъ Александра Тургенева и Семена Родзянки по Университетскому Пансіону, и вмѣстѣ съ ними и съ Мерзляковымъ участвовалъ въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ.

(Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ. Сочиненіе Н. В. Сушкова. 1858. Приложеніе. стр. 89.

Исторія Императорскаго Московскаго Университета, написанная Степаномъ Шевыревымъ. 1855. стр. 304.

Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія, изъ библіотеки Александра Смирдина. 1828. стр. 28, 258, 684.

Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., описанныхъ А. Н. Неустроевымъ. 1874. стр. 779, 781, 817, 818, 819, 823, 826, 841, 854.

Письма В. А. Жуковскаго къ Александру Ивановичу Тургеневу. 1895. стр. 189).

23) Андрей Ивановичъ Тургеневъ, братъ Александра Ивановича; род. 1 окт. 1781, сконч. 8 іюля 1803 года.

24) Письмо Мерзлякова къ Тургеневу и Кайсарову сохранилось въ бумагахъ Дмитрія Николаевича Свербеева. Приносимъ искреннюю благодарность

Нерадостныя вѣсти сообщалъ Мерзляковъ друзьямъ своимъ объ университетѣ и объ ожидающей его судьбѣ. То же печальное настроеніе, тотъ же страхъ за будущее обнаруживается въ письмѣ къ Жуковскому, писанномъ вскорѣ за предыдущимъ. Мерзляковъ пишетъ своему другу, 13 октября 1802 года: «Нынѣ время самое шумное, перемѣны за перемѣнами. Когда бѣсятся большія рыбы, тогда нашему брату пискарямъ надобно ловить случай и счастіе. У насъ въ университетѣ все замираетъ отъ ужасныхъ ожиданій. Можетъ быть, мы лишимся своего добраго Ивана Петровича. Это, говорятъ, навѣрное. Горе намъ грѣшнымъ.» [25]).

При чтеніи подобныхъ мѣстъ въ письмахъ Мерзлякова невольно возникаетъ вопросъ, что служило поводомъ для такихъ тревожныхъ ожиданій, и почему будущность университета представлялась въ такомъ мрачномъ видѣ. Разгадка заключается въ преобразованіяхъ, которыя предпринимались въ весьма широкихъ размѣрахъ, и должны были коснуться самой сути университетской жизни.

Незадолго до этого событія явилась оригинальная попытка преобразовать учрежденіе, тѣсно связанное съ университетомъ, именно Университетскій Благородный Пансіонъ. Кураторъ Голенищевъ-Кутузовъ задумалъ обратить Университетскій Пансіонъ въ Кадетскій корпусъ. Представляя свой планъ генералъ-прокурору, П. Х. Обольянинову, Голенищевъ-Кутузовъ писалъ, 31 августа 1800 года: «Съ самаго вступленія моего въ кураторскую должность, такъ какъ изъ гг. начальниковъ я токмо одинъ проходилъ военное званіе и большую часть моей жизни посвятилъ воинскимъ упражненіямъ, то и устремилъ я все мое вниманіе на то, чтобы Благородный Пансіонъ учинить сколько можно похожимъ на военное училище».

Александру Дмитріевичу Свербееву и Николаю Николаевичу Новикову за сообщеніе намъ собственноручнаго письма Мерзлякова. Мы напечатали это письмо съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

25) Русскій Архивъ. 1871. № 2. стр. 0136.

Планъ Голенищева-Кутузова состоялъ въ слѣдующемъ:

1) Чтобы Благородный Университетскій Пансіонъ былъ переименованъ, и названъ Императорскимъ Московскимъ Кадетскимъ корпусомъ.

2) Чтобы онъ получилъ мундиръ со шляпами, тесаками и ружьями.

3) Чтобы директоръ имѣлъ право, какъ полковые шефы, производить въ унтеръ-офицеры и представлять къ производству въ оберъ-офицерскіе чины.

Главный директоръ полагался въ рангѣ генералъ-лейтенанта. Въ корпусѣ должны находиться: одинъ полковникъ, одинъ маіоръ, пять капитановъ, пять поручиковъ, пять подпоручиковъ, пять прапорщиковъ, пять сержантовъ, пять капраловъ и триста рядовыхъ кадетъ. Корпусъ долженъ состоять изъ пяти ротъ; каждая рота изъ шестидесяти кадетъ. Число учителей отдается на усмотрѣніе главнаго директора, и т. д. [26]).

Мы упомянули объ этомъ проектѣ только по его оригинальности и по связи Благороднаго Пансіона съ Университетомъ. Злоба дня заключалась въ предстоящемъ преобразованіи самого университета, вызывавшемъ въ тогдашнемъ обществѣ разнаго рода толки, надежды и опасенія.

Въ 1802 году учреждены министерства, и въ числѣ ихъ министерство народнаго просвѣщенія; въ вѣдомство его отходили университеты, устраиваемые на новыхъ началахъ. Вслѣдствіе этого и московскому университету предстояло коренное преобразованіе; уничтожались должности кураторовъ и директора, открывался учебный округъ, и университетъ входилъ въ кругъ учрежденій подвѣдомыхъ попечителю, который въ свою очередь подчинялся министру народнаго просвѣщенія, и т. д. При новыхъ порядкахъ являлись и новые люди, а прежніе дѣятели должны были волею или неволею уступить мѣсто своимъ преемникамъ. Все это въ порядкѣ вещей, и казалось бы не о чемъ было горевать, особенно молодому ученому, который, по своему

26) Архивъ министерства юстиціи. Дѣла 1800 года. № 3989.

уму и дарованіямъ, могъ скорѣе сочувствовать реформѣ, нежели сторониться отъ нея. Но дѣло въ томъ, что истинный смыслъ и благотворное дѣйствіе преобразованій обнаруживается обыкновенно впослѣдствіи, и только тогда является возможность вѣрнаго, историческаго приговора. Позднѣйшіе историки видятъ передъ собою ясную картину того, что происходило въ болѣе или менѣе отдаленное время; они имѣютъ дѣло съ совершившимися событіями и съ лицами, окончившими свою дѣятельность; слѣды ея обозначились уже съ полною опредѣленностью, всѣ доказательства на лицо, и стоитъ только подвести итоги для безпристрастной оцѣнки прошлаго. Въ иныхъ условіяхъ находится человѣкъ, переживающій то или другое событіе и видящій одно только начало дѣла, да и то въ смутныхъ, неясныхъ очеркахъ. Несомнѣнна истина, что залогъ успѣшнаго хода всякаго рода преобразованій заключается преимущественно въ людяхъ, призванныхъ осуществить благую волю законодателя, и если лучшіе люди уносятся новою, нахлынувшею волною, то само собою зарождается грустное чувство въ душѣ ближайшихъ свидѣтелей ихъ благотворной дѣятельности. Понятно поэтому, какое гнетущее впечатлѣніе должны были производить на Мерзлякова и его сверстниковъ заявленія въ родѣ слѣдующаго: «Дальнѣйшее присутствіе кураторовъ и директора, далеко отъ того, чтобъ быть полезнымъ ходу дѣлъ, будетъ служить нѣкоторымъ препятствіемъ оному»[27]). А вѣдь еще вчера присутствіе просвѣщеннаго директора въ университетской средѣ признавали весьма полезнымъ и желательнымъ, и съ уваженіемъ произносили имя Тургенева, какъ человѣка дорогого для университета, какъ друга Н. И. Новикова и перваго руководителя Карамзина. Вотъ истинная причина, почему Мерзляковъ, не мечтая о свѣтломъ будущемъ, съ душевною болью посылалъ прощальный привѣтъ дорогому для него прошлому.

---

27) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 100. Дѣло № 1091.